

Пролог

Ньюман-Хаус, 18 апреля 1775 года

Люсьен, брат, приветствую тебя! Вот решил черкнуть тебе несколько строк. Еще один непростой день позади, на город спустились сумерки. Генерал Гейдж, главнокомандующий наших сил здесь, в Бостоне, направил несколько подразделений, в том числе и мое, в Конкорд с приказом захватить и уничтожить крупный склад оружия и боеприпасов мятежников.

Ночью мы отправляемся. Учитывая секретный характер операции, я приказал своему ординарцу Биллингсхерсту отправить это письмо по ее завершении.

Отчего-то на сердце у меня тревожно, но боюсь я не за себя: меня беспокоит судьба моей дорогой Пейдж — я писал тебе о ней. Эту женщину, как ты знаешь, я встретил здесь и полюбил всем сердцем. Ты наверняка осуждаешь меня: ведь она всего лишь дочь лавочника, — но здесь на такие условности не обращаешь внимания. Когда находишься в трех тысячах миль от дома, когда не знаешь, наступит ли завтра, любовь куда предпочтительнее, чем ощущение одиночества. А мисс Пейдж сделала меня счастливым: наконец

согласилась выйти за меня замуж. Надеюсь, брат, ты поймешь меня: придет время, ты с ней познакомишься и полюбишь ее, как любил я.

В эти последние минуты перед боевой операцией на всякий случай прошу тебя исполнить мою единственную — возможно, последнюю — просьбу. Если со мной что-то случится — пусть не сегодня, — прояви милосердие и доброту к моему ангелу, моей Джульет: она для меня — все. Надеюсь, ты позаботишься о ней, если вдруг я не смогу сам. Эта мысль согревает мне сердце.

Все. Пора. Наши уже собрались внизу и готовы отправиться в путь.

Спаси и сохрани Господь тебя, мой дорогой брат, а также Гарриета, Эндрю и милую Нериссу.

Чарльз.

Вечерело. Строки расплывались перед глазами, и Люсьен де Монфор, опустив руку с письмом, взглянул в окно. Белые известковые холмы в свете догорающего дня стояли словно часовые. На западе небо еще сохраняло розовый отсвет заката, но и он скоро исчезнет. Люсьен ненавидел это время суток: в первый час после заката солнца будто оживают призраки прошлого, а события минувших дней обретают такую отчетливость, словно происходили не далее как вчера. Но воспоминания так и остаются воспоминаниями, а вот это письмо — реальность, причем самая что ни на есть объективная.

Он провел большим пальцем по плотному листу бумаги, исписанному изящным четким почерком брата. Деловитость и решительность, характерные черты

Чарльза, проявлялись не только в мыслях и действиях, но даже в почерке.

Удивительно, но чернила, которыми было написано письмо, до сих пор не поблекли, хотя брат прислал его в апреле прошлого года. Послание было адресовано ему: его светлости герцогу Блэкхиту — и отправлено в их родовое поместье Блэкхит, Беркшир, Англия.

Похоже, это были последние в жизни слова, написанные Чарльзом. Люсьен аккуратно сложил письмо, истершееся на сгибах. Края взломанной печати из красного воска, которой брат запечатал конверт, точно совпали, и печать напоминала теперь незажившую рану. Его взгляд против воли опять упал на надпись, которую кто-то — возможно, Биллингшерст — сделал на обратной стороне конверта:

Найдено на столе капитана лорда Чарльза Эдейра де Монфора 19 апреля 1775 года, в день, когда его светлость погиб в сражении под Конкордом. Просьба доставить отправителю.

Сердце Люсьена защемило от боли: брат убит и почти забыт — вот так-то!

Герцог Блэкхит положил письмо в ящик стола, запер на ключ и опять устремил взгляд в окно. Теперь он хозяин всего, что открывалось взору, но побороть горькое чувство одиночества это не помогало. В миле от замка, у подножия известковых холмов, мерцали огоньки деревни Рейвенском, на окраине которой, на кладбище, находили свой последний приют все Монфоры. Там же стояла древняя церковь с норманнской

часовней, внутри которой, на каменной стене, висела простая бронзовая дощечка с именем и датами жизни Чарльза — вот и все, что осталось от брата.

Чарльз, второй сын, погиб, и не приведи Господь что-нибудь случится с самим Люсьеном! Тогда все земли и все имущество перейдут в руки их младшего брата.

Нет, только не это! Не может Всевышний проявить такую жестокость.

Герцог задул свечу и вышел из погрузившейся в темноту комнаты.

Глава 1

Англия, Беркшир, 1776 год

Почтовый дилижанс «Белая стрела», направлявшийся в Оксфорд, опаздывал. Пытаясь наверстать время, потраченное на ремонт — сломалась ось, — кучер нахлестывал лошадей, и дилижанс с грохотом неся в ночи под топот копыт и испуганные крики пассажиров, сидевших на империале, — их путешествие при такой гонке не отличалось комфортом.

Мощные фонари, пробиваясь сквозь завесу дождя, высвечивали канавы, деревья и живые изгороди, а дилижанс неся вдоль холмов Лембурна на такой скорости, что у Джульет Пейдж сердце сжималось от страха за свою шестимесячную дочь Шарлотту. Благодаря ребенку ей посчастливилось заполучить место внутри дилижанса, но даже здесь она без конца ударялась головой то о кожаную стенку сиденья, то о плечо пожилого джентльмена, сидевшего слева. От жуткой тряски у нее разболелась шея, ее мутило, почти как во время утомительного путешествия по морю из Бостона.

Дилижанс налетел на ухаб, подпрыгнул и тяжело приземлился. Джульет с силой отбросило на соседа слева. Сидевшая напротив нее еще одна молодая мамаша крепко прижала к себе двоих испуганных детишек. Пассажиры, цепляясь за потолок и стены, в ужасе закричали. С крыши сорвался и полетел на дорогу чей-то чемодан, но кучер никак на это не отреагировал и кони не замедлили бег.

— Господи, помоги нам! — пробормотала молодая мамаша, сидевшая напротив.

Джульет ухватилась за поручень и, прижимая к себе ребенка, опустила голову, пытаясь справиться с приступом тошноты. Несколько раз глубоко вздохнув, она прикоснулась губами к мягким золотистым кудряшкам и едва слышно прошептала:

— Мы почти на месте: еще немного — и увидишь дом своего отца.

Неожиданно послышались крики, испуганное конское ржание и отборная брань кучера. На крыше кто-то из пассажиров завизжал. Дилижанс рискованно накренился, едва не завалившись на бок, проехал футов сорок-пятьдесят на двух колесах, отчего пассажиры в ужасе завопили, и наконец тяжело опустился на четыре колеса. Оконное стекло разлетелось вдребезги, а пожилой джентльмен, сидевший слева от Джульет, рухнул на пол. На империале кто-то из пассажиров рыдал, кто-то кричал от страха и боли, а внутри дилижанса царила мертвая тишина.

— На нас, кажется, напали разбойники! — воскликнул сосед Джульет, не поднимаясь с колен и пытаясь

хоть что-нибудь разглядеть сквозь залитое дождем оставшееся целым стекло.

Прогрели выстрелы, и в следующий момент сверху упало что-то тяжелое.

За зловеще темным окном началось какое-то движение, и вдруг и это стекло с грохотом разбилось, окатив пассажиров градом осколков.

До смерти напуганные люди увидели направленный на них ствол пистолета и физиономию в маске:

— Деньги, цацки — все, что есть! Быстро!

Тьма стояла — хоть глаза выколи: ни луны, ни звезд.

Лорд Гаррет Френсис де Монфор летел во весь опор на своем Крестоносце — на такую бешеную скорость мог решиться разве что самоубийца. Дождь сек лицо, мимо мелькали то дубравы, то березовые рощицы. Копыта коня вздымали фонтаны брызг из луж, оставшихся после дождя, и топот эхом отдавался в густых зарослях, с обеих сторон обрамлявших дорогу. Гаррет оглянулся через плечо и, убедившись, что дорога позади пуста — от остальных оторвался основательно, — издал торжествующий крик. Он опять выиграл! Опять обставил Перри, Чилкота и остальную компанию кутил и дебоширов! Им никогда за ним не угнаться!

Рассмеявшись, Гаррет похлопал Крестоносца по шее:

— Здорово, приятель! Молодчина...

Вдруг он заметил, что впереди на дороге что-то происходит, и резко осадил коня. Ему потребовалось всего мгновение, чтобы оценить ситуацию.

Разбойники. Судя по всему, грабят пассажиров «Белой стрелы» из Саутгемптона.

«Белая стрела»? Молодой джентльмен извлек из кармана часы и всмотрелся в циферблат. Поздновато для дилижанса...

Конь стал проявлять признаки беспокойства. Гаррет, успокаивая, погладил его по холке и принялся соображать, что делать.

Судя по тому, что на земле рядом с дилижансом лежали убитые, это не обычные грабители, а отъявленные головорезы. Решение пришло мгновенно, когда один из бандитов распахнул дверцу и принялся грубо вытаскивать из дилижанса упиравшуюся молодую женщину. Гаррет выхватил пистолет. Мысль, чтобы повернуть назад и скрыться, даже не пришла ему в голову, как не пришла и другая: подождать своих приятелей.

Гаррет едва успел взглянуть на ее лицо: испуганное, бледное, — как другой бандит выстрелами разбил фонари дилижанса, и все вокруг окутала тьма. Кто-то вскрикнул, но очередной выстрел резко оборвал крик.

Помрачнев, молодой джентльмен связал узлом поводья и аккуратно, палец за пальцем, снял перчатки. Так же не спеша, не спуская настороженного взгляда с бандитов, высвободил ноги из стремян и легко спрыгнул на землю, хотя его щегольские сапоги из испанской кожи при этом по шиколотку погрузились в раскисшее от дождя известковое месиво.

Конь даже не шевельнулся. Гаррет снял и положил на седло вместе с перчатками и треуголкой новый сюртук, заправил кружевные манжеты в рукава, чтобы

ненароком не загорелись от выстрела, и, зарядив пистолет, крадучись стал пробираться сквозь заросли на обочине дороги к дилижансу. Приходилось соблюдать максимальную осторожность, чтобы не обнаружить себя и успеть выстрелить до того, как налетчики набросятся на него.

— Всем выйти! Быстро!

Крепко прижимая к себе Шарлотту, Джульет умудрилась сохранить спокойствие, когда разбойник, схватив за запястье, грубо вытащил ее из дилижанса. Ноги утонули в жидкой белой грязи, и она упала бы, не удержи ее огромная лапища бандита, похожая на медвежью. Осмотревшись, Джульет заметила неподалеку трупы: бандиты убили кучера, охранника и кого-то из пассажиров — и вздрогнула. Хорошо еще, что темно. Случись это днем, бедные детишки, которые все еще находились в дилижансе, до смерти испугались бы, увидев ужасную картину.

С ребенком на руках она встала рядом с другими пассажирами, которых выстроили перед дилижансом, в то время как бандиты стаскивали вниз оставшихся на империале. Рыдала женщина, плакала маленькая девочка, в страхе прижимаясь к пожилому мужчине — очевидно, дедушке. Один из пассажиров, судя по одежде — джентльмен, гневно возмущен неподобающим обращением с женщинами и детьми, и бандит, не говоря ни слова, тут же убил его выстрелом в живот. Пассажиры застыли в ужасе. Наконец из дилижанса вытащили последних пассажиров: мать с двумя детьми, которые цеплялись за ее юбки и жалобно плакали.

Теперь все они стояли в темноте под дождем и молча ждали, когда до них дойдет очередь и бандиты отберут все, что у них есть: деньги, драгоценности, часы.

Подошла очередь Джульет.

— Выкладывай деньги, милашка, да пошевеливайся!

Джульет молча протянула бандиту ридикюль, но инстинктивно вскинула руку, прикрывая медальон.

— И это тоже!

Бандит злобно сорвал золотую цепочку с ее шеи и бросил в кожаный мешок вместе с миниатюрой погибшего отца Шарлотты.

— Драгоценности есть? Кольца?

— Нет, — безжизненным голосом ответила Джульет, не отрывая взгляда от кожаного мешка, в котором исчезло то, что было для нее дороже всего.

Но бандит схватил ее за руку и увидел кольцо с печаткой Чарльза — последнее, что подарил ей обожаемый жених перед тем, как погиб в бою под Конкордом: залог обещания, выполнить которое не позволила смерть.

— Никак обманывать вздумала, грязная сучка!

Джульет взглянула ему прямо в глаза и твердо повторила:

— Нет!

Ответом ей был удар по лицу тыльной стороной ладони, от которого она, не удержавшись на ногах, рухнула в грязь и, прикрывая ребенка, до крови поранилась о камень. Шарлотта заплакала, а Джульет, подняв глаза, увидела в двух дюймах от себя дуло пистолета и ухмыляющуюся рожу бандита.

А в следующее мгновение прогремел выстрел и на груди у бандита стало расплываться темное пятно, словно распустилась черная роза. Качнувшись вперед, он на секунду замер и свалился замертво.

Всего один выстрел, но, черт возьми, какой: в самое яблочко!

Два других бандита в недоумении круто развернулись на звук выстрела, а увидев руку с пистолетом под кружевным жабо и манжетами, а также атласный жилет, щегольские сапоги и бриджи, глазам своим не поверили. Гаррет усмехнулся: похоже, в нем видели спелую сливу, готовую упасть прямо в руки, — есть чем поживиться.

Медленно извлекая из ножен саблю, он тихо процедил:

— А сейчас вы сядете на своих коней и как можно быстрее скроетесь, если не хотите неприятностей.

На какое-то мгновение и бандиты, и пассажиры застыли на месте, потом на физиономии одного из налетчиков появилась гаденькая ухмылка, а второй фыркнул.

— Я сказал — быстро! — скомандовал Гаррет, не повышая голоса, и медленно шагнул им навстречу.

И тут началось...

Оба бандита одновременно выстрелили, и пули просвистели совсем рядом. Пассажиры с криками упали на землю, спасаясь от выстрелов. Лошади, запряженные в дилижанс, с испуганным ржанием подались назад. Гаррет, выхватив саблю, бросился к бандитам, стараясь не дать им возможности перезарядить пистолеты, но поскользнулся и рухнул в грязь, основательно оцарапав щеку. Один из бандитов, изрыгая грязные ругатель-

ства, тут же бросился к нему, собираясь прикончить, но прежде, чем прозвучал выстрел, Гаррет успел рывком откатиться в сторону. Пуля подняла в воздух фонтанчик грязи как раз в том месте, где только что было его плечо.

Бандит с ревом бросился к нему, целясь из другого пистолета. Не теряя присутствия духа, Гаррет попытался подняться на ноги и дотянуться до сабли. Бандитов было двое, пистолет не заряжен, а до шпаги не дотянуться, но он не сдавался. Перекатившись на спину и как-то ухитрившись схватить саблю, собрал все силы и бросился на приближавшихся бандитов. Мощным ударом он чуть не обезглавил одного. Рухнув на спину, бандит схватился за горло и испустил предсмертный хрип. В следующий момент Гаррет с ужасом увидел, что к нему бежит ребенок, очевидно решив найти у него защиту.

— Билли! — послышался женский крик. — Билли, вернись!

Оставшийся в живых бандит мгновенно повернулся на крик, увидел приближавшегося ребенка, потом — бездыханные трупы своих дружков и, решив взять хоть какой-то реванш за неудачную ночь, прицелился мальчику в спину.

— Биллии-и-и!

Собрав последние силы, Гаррет бросился к ребенку, сбил его на землю и прикрыл своим телом. Выстрел прозвучал так близко, что оглушил. Ему как огнем обожгло бок, но он все же успел несколько раз перекатиться, не выпуская ребенка из рук. Кровь хлынула из раны; он так и остался лежать на спине, и капли дождя падали на разгоряченное лицо.

Прежде чем сознание покинуло Гаррета, вспомнились его же собственные слова, сказанные совсем недавно: «Здорово, приятель! Молодчина...»

Мальчик высвободился из его объятий, вскочил и с ревом помчался к матери.

А лорд Гаррет де Монфор провалился в благословенную тьму...

Глава 2

— Надо ему помочь! — воскликнула Джульет и, сунув Шарлотту молодой мамаше, сломя голову бросилась к их спасителю.

Остальные пассажиры, все еще не оправившиеся от потрясения, топтались на месте словно стадо овец, но слова Джульет постепенно дошли до их сознания и, связав последнего бандита, они бросились следом за ней.

— Он жив?

— Сохрани его Господь, ведь он спас этого ребенка, милого маленького мальчика...

Джульет подбежала к нему первой. Он лежал на спине, почти скрытый бурьяном, недвижимый, истекающий кровью. Опустившись на колени, она взяла его безжизненную руку и, откинув кружево манжеты, попыталась нащупать пульс.

Подбежали и другие пассажиры, стали наперебой спрашивать:

— Он умер?

И сами же отвечали:

— Мне кажется, да. Ах бедный, бедный...

Джульет буркнула через плечо: